

Куда направлен ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ?

Глобальный оптимизм начала века сменился
страхом перед долговременной стагнацией

Человек стоит на строительных лесах около Мюнхена (Германия).

Николас Крафтс

КАЖЕТСЯ, что только вчера так называемая новая экономика развивалась по восходящей и ожидания роста находились на подъеме. Но сегодня широко распространились опасения, что будущее сулит только долговременную стагнацию, где новой нормой будет медленный рост, особенно в странах с развитой экономикой. Хотя и очевидно, что оптимизм начала века не был оправдан, вполне вероятно, что чрезмерен и сегодняшшний пессимизм.

Преобладающие на настоящий момент прогнозы для Соединенных Штатов и Европейского союза на среднесрочную перспективу отражают заметное снижение темпов роста по сравнению с показателями нескольких десятилетий, предшествовавших мировому финансовому кризису, начавшемуся в 2008 году (см. таблицу). По сравнению с периодом 1995–2007 годов будущие темпы роста реального ВВП (с поправкой на инфляцию) на душу населения в США и Европе, как ожидается, сократятся вдвое или даже еще сильнее. В любом случае, ожидается серьезное ослабление роста производительности труда (выпуск продукции за один рабо-

чий час). Замедление будет еще более выраженным, если проводить сравнение с «золотой эпохой» 1950-х и 1960-х годов, особенно в Европе.

Более медленные темпы роста в Европе и Соединенных Штатах имеют неоднозначные последствия для перспектив экономического роста в развивающихся странах. Наиболее очевидным негативным следствием станет более низкий спрос на экспортную продукцию этих стран, поэтому модели развития, основанные на росте за счет увеличения экспорта, возможно, потребуются пересмотреть. Замедление также может сказаться на доступности новых технологий по всему миру. С другой стороны, это может означать продолжительный период пониженных реальных процентных ставок и переориентацию направления потоков капитала со стран с развитой экономикой на страны с формирующимся рынком, сулящим более интересные возможности для инвестирования. Это может означать продолжение сокращения отставания в уровне экономического развития высокими темпами и быстрое увеличение доли этих стран в мировом ВВП.

Тускнеющие горизонты

Прогнозы роста реального ВВП на человека и производительности (реальный ВВП за один отработанный час) на ближайшую перспективу не выглядят многообещающе ни для Соединенных Штатов, ни для Европы.

(Годовые темпы роста, в процентах)

	Соединенные Штаты		ЕС-15	
	Реальный ВВП на человека	Реальный ВВП за один отработанный час	Реальный ВВП на человека	Реальный ВВП за один отработанный час
1950–1973	2,5	2,6	4,0	4,9
1973–1995	1,7	1,3	1,9	2,5
1995–2007	2,2	2,2	2,0	1,5
2014–2023			1,0	0,8
2016–2026	1,0	1,4		

Источники: Conference Board, 2016; Havik et al., 2014; Congressional Budget Office, 2016.

Примечание. ЕС-15 — страны, которые стали членами Европейского союза до 2004 года: Австрия, Бельгия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Соединенное Королевство, Финляндия, Франция и Швеция. Для периодов после 2016 года представлены прогнозы.

Неточные предсказания

Разумеется, неизбежно, что экономисты не так уж и редко делают неточные предсказания о будущем экономического роста или с опозданием обнаруживают возможности для повышения производительности. Отец-основатель концепции долговременной стагнации Элвин Хансен — прекрасный тому пример. В 1938 году в обращении к Американской экономической ассоциации в качестве ее президента он сказал, что технический прогресс был слишком слабым для того, чтобы обеспечить экономический рост такими темпами, которые стимулировали бы инвестиции и позволили бы уберечь от перспектив устойчиво высокой безработицы. На самом деле безмятежный период экономического роста в США во время послевоенного подъема уже виднелся на горизонте. И даже в то время, пока Хансен пребывал в отчаянии, экономика переживала очень быстрый рост совокупной факторной производительности — той части экономического роста, которая не объясняется увеличением вклада капитала и труда и которая отражает такие фундаментальные общественные факторы, как технологии и эффективность. Почти полвека спустя, в 1987 году, в канун начала революционных преобразований в сфере информации и коммуникаций, другой видный американский экономист Роберт Солоу (см. статью «В остатке — яркий талант» в мартовском выпуске *Ф&P* 2011 года) сетовал, что «увидеть свидетельства компьютерной эпохи можно везде, кроме статистики производства».

Сегодняшний пессимизм, в том числе возрождение тезиса Хансена о долговременной стагнации (см. статью «Замедленный рост в будущем» в этом выпуске *Ф&P*), проистекает из состояния показателей роста в последнее время. Эмпирический экономический анализ показывает, что и в США, и в Европе еще до начала мирового экономического кризиса произошло заметное понижение тренда роста производительности. Рост производительности имеет решающее значение для повышения объема производства экономики и в расчете на душу населения и уровня жизни в целом. Хотя и есть основания полагать, что некоторые связанные с цифровыми технологиями выгоды не в полной мере отражаются в ВВП и прочих счетах национального дохода, среди экспертов существует четкое общее мнение, что более медленные темпы роста в Соединенных Штатах не являются статистическим исключением, а скорее объективным явлением, не являющимся просто временным симптомом недавнего мирового экономического кризиса. Это связано в основном с тем, что недостающий объем производства, то есть разрыв между сегодняшним ВВП

и его прогнозируемыми значениями на основе более ранних оценок трендовых темпов роста, по меньшей мере, в 20 раз больше, чем большая часть оценок прироста благосостояния потребителей, что не получается выявить с помощью традиционных подходов к учету национальных счетов. Тем не менее, ситуация не безнадежна. Прецедент Великой депрессии, когда годовые темпы роста совокупной факторной производительности в размере 1,9 процента позволяли обеспечить рост производительности труда темпами в размере 2,5 процента в год в период с 1929 по 1941 год, показывает, что глубокие банковские кризисы не обязательно делают невозможным быстрый рост производительности, если национальная система инноваций является прочной.

Будущее роста доходов в Соединенных Штатах вызывает меньше оптимизма, чем будущее производительности труда. В то время как темпы роста реального ВВП на душу населения в течение 40 лет, предшествовавших недавнему мировому кризису, как правило, превышали темпы роста производительности труда, в будущем ситуация, скорее всего, окажется противоположной. Такой вывод основывается на фактах старения населения (которое обычно предвещает снижение производительности), ограниченности потенциала для увеличения численности рабочей силы и существенного замедления темпа повышения качества трудовых ресурсов, связанного с повышением уровня образования.

Инновации являются основой для быстрого роста производительности труда. В период с 1920-х по 1960-е годы влияние великих изобретений, таких как электричество и двигатель внутреннего сгорания, было огромным, но ключевой характеристикой экономики США было то, что рост производительности на основе более совершенных технологий был распространен более широко и включал в себя серьезные изменения в канцелярской работе и розничной торговле, а также механизацию производственных предприятий. Совсем недавно за относительно короткий период времени информационно-коммуникационные технологии сумели внести невероятный вклад в рост производительности, но все же он не дотягивает до совокупного эффекта от более ранних достижений. Действительно, основным выводом эмпирических исследований показателей роста США является то, что воздействие технического прогресса на рост производительности не исчезло, но стало теперь гораздо более слабым по сравнению с его пиком середины XX века. Например, темпы роста совокупной факторной производительности в течение следующих 10 лет, по прогнозам Бюджетного управления Конгресса США, будут приблизительно вдвое ниже показателей, достигнутых в 1930-х годах.

Рост в США может превзойти ожидания

Этот вид эмпирического анализа, однако, по своей сути является ретроспективным. Возможно, что перспективный подход мог бы дать более оптимистичный взгляд на перспективы роста в США. Есть, по крайней мере, три причины так думать. Во-первых, в мире, где быстро развиваются технологии искусственного разума, а роботы могут заменять собой людей при выполнении многих задач (в том числе на низкооплачиваемых рабочих местах в сфере услуг, на которые, как когда-то казалось, технические достижения не могли покушаться), возможен очередной резкий рост производительности труда. Если, как утверждают некоторые исследователи, приблизительно 40 процентов рабочих мест в течение следующих 20–25 лет можно будет заменить компьютерами (Frey and Osborne, 2013), то это может стать основой для возвращения темпов роста производительности на уровень выше 2 процентов в год. Во-вторых, подъем Китая может существенно активизировать научно-исследовательские работы и опытно-конструкторские разработки. Великобритания, игравшая в XIX веке роль ведущего экспортера новых технологий, в XX веке стала полагаться на передачу технологий из дру-

гих стран мира, особенно США. Похожая смена ролей между Китаем и Соединенными Штатами в ближайшие несколько десятилетий уже не кажется невозможной. В-третьих, революция в сфере информационных и коммуникационных технологий открывает дорогу для изобретения новых полезных технологий в результате снижения стоимости доступа к знаниям и существенного расширения возможностей для анализа данных, что является важнейшим условием для научного прогресса. И действительно, в секторе НИОКР наблюдается серьезный технический прогресс.

Напротив, в странах Западной Европы разговор идет скорее о догоняющем росте, чем о темпах передового технического прогресса. С середины XX века до недавнего мирового кризиса этот опыт включал в себя три четко различимых стадии. Во время первого этапа, закончившегося в начале 1970-х годов, происходил стремительный догоняющий рост, и Европе удалось сократить отставание от Соединенных Штатов и по уровню доходов, и по показателям производительности. На втором этапе, продолжавшемся с начала 1970-х до середины 1990-х годов, темпы экономического роста в Европе резко снизились, и сближение с США по показателю реального ВВП на душу населения прекратилось. Это было вызвано сокращением рабочего времени и занятости, несмотря на активный рост производительности труда и совсем небольшое отставание от США по показателю реального ВВП в расчете на один отработанный час. Однако на третьем этапе (с середины 1990-х годов до начала кризиса), темпы роста производительности в Европе не смогли удерживаться на одном уровне с Соединенными Штатами, и она уже стала не догонять, а уверенно отставать от США. В результате в 2007 году уровень 15 «старых» государств-членов Европейского союза (так называемый ЕС-15, в который входят Австрия, Бельгия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Соединенное Королевство, Финляндия, Франция и Швеция) был немного ниже уровня США по сравнению с положением дел в 1973 году.

Социальные возможности играют главную роль

Среднесрочные перспективы роста в Европе зависят от того, насколько быстро будет расти производительность в Соединенных Штатах, а также от возможности возобновления догоняющего роста после продолжительной паузы. Экономические историки считают социальные возможности определяющим фактором успеха или неудачи догоняющего роста. Социальные возможности можно рассматривать как системы стимулов, такие как регулирование и налогообложение, оказывающие влияние на принятие решений в области инвестирования

Вид на эстакаду в сумерках с высоты птичьего полета, Лос-Анджелес, Калифорния, Соединенные Штаты.

и инноваций, которые позволяют субъектам предпринимательства эффективно применять на местах технологии, разработанные в ведущих странах (таких как Соединенные Штаты), и устранять факторы неэффективности. Поддержание социальных возможностей по мере продвижения развития обычно связано с проведением институциональных и политических реформ (в таких областях, как регулирование рынков капитала и барьеры для выхода на рынок новых участников), что может быть непросто с политической точки зрения. Более того, социальные возможности различаются в зависимости от технологической эпохи — институциональные и политические механизмы, прекрасно справлявшиеся с передачей конвейерных технологий, могут оказаться неподходящими для распространения информации и технологических новшеств в сфере рыночных услуг.

Инновации являются основой для быстрого роста производительности труда.

Быстрые темпы роста в Европе во время «золотой эпохи» 1950-х и 1960-х годов поддерживались послевоенным восстановлением континента, переходом рабочей силы из сельского хозяйства в промышленное производство, европейской экономической интеграцией и «терпеливым капитализмом», когда большее внимание уделяется реальной прибыли от долгосрочных вложений, а не завтрашней цене акции. Каждый из этих факторов либо исчез, либо значительно ослаб к концу XX века. Послевоенные политические договоренности и корпоративные структуры, ставшие основой для восстановления экономики Европы после войны, не только означали более значительные социальные трансферты, в итоге вызвавшие значительное увеличение прямых налогов, искаживших экономическое поведение, но также и оставили после себя в наследство высокую степень зарегулированности в большинстве стран ЕС.

В годы, предшествовавшие кризису 2008 года, когда Европа уже больше не догоняла, а отставала от Соединенных Штатов, широкую популярность приобрело американское объяснение причин такого поворота событий. Оно сводилось к тому, что Европа страдала от слишком низкой конкуренции, слишком высоких налогов и чрезмерного регулирования, и это подрывало социальные возможности. Сложно было назвать это новым поворотом событий — многие европейские страны находились в таком положении уже какое-то время, что не мешало им сокращать свое отставание (хотя и могло замедлять этот процесс). Тем не менее, с появлением прорывных новых информационных и коммуникационных технологий (рост производительности которых зависел от реорганизации способов ведения предпринимательской деятельности) защита занятости и регулирование рынков продукции стали представлять собой более значительную помеху. Это означает не то, что Европа стала более жестко зарегулированной, а то, что существовавшее регулирование было более дорогостоящим. В странах, ориентированных на оказание услуг, даже более критическими были силы творческого разрушения, которое заменяет менее эффективные компании и старые технологии более новыми и эффективными. В Европе эти силы были слабее, чем в США. Значительная часть сохраняющегося отставания в уровне производительности, особенно на юге Европы, связана с менее эффективным распределением ресурсов, особенно с сохраняющимся длинным «шлейфом» субъектов экономики с низкой производительностью.

Неоднозначный прогноз

Прогноз роста в ЕС-15 не является однозначным. Хорошая новость заключается в том, что производительность по-прежнему растет в Соединенных Штатах, пусть и более медленными темпами, и догоняющий рост все еще возможен. Когда Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) составляла долгосрочные прогнозы потенциального роста в 2014 году (с использованием перспективного подхода, включившего в себя модель догоняющего роста, а не экстраполяцию последних трендов), она предсказала странам ЕС-15 потенциальные темпы роста производительности труда и реального ВВП на душу населения на уровне 1,6 процента и 1,5 процента, соответственно, в период с 2014 по 2030 год. Это очевидно гораздо более оптимистично, чем экстраполяция последних трендов, проведенная Европейской комиссией.

Однако плохая новость заключается в том, что для достижения результатов, спрогнозированных ОЭСР, потребуется проведение серьезной (структурной) реформы на стороне предложения. Несложно составить перечень реформ, проведение которых можно ожидать для достижения спрогнозированных показателей. И ОЭСР, и Европейская комиссия провели такую работу. Укрепление конкуренции, реформа налогообложения и уменьшение регулирования могли бы сыграть большую роль, наряду с полной реализацией заявленного Европейским союзом намерения создать единый европейский рынок услуг путем устранения торговых издержек, связанных с различиями в регулировании, и прочих препятствий для выхода на рынки поставщиков из стран ЕС. Но самой плохой новостью является то, что и без того непростая политическая сторона таких реформ еще больше осложняется растущим популизмом и ослабевающей поддержкой рыночной экономики по всей Европе. Хорошим примером является результат голосования в Великобритании о выходе из Европейского союза.

Подводя итоги, можно сказать, что замедление темпов роста производительности в Соединенных Штатах является реальностью, и началось оно еще до кризиса, при этом оно не обязательно стало постоянным фактором. Технический прогресс играет центральную роль для роста производительности в будущем, но, как всегда, его нельзя предсказать. С помощью проведения серьезной реформы на стороне предложения Европа могла бы начать расти более быстрыми темпами, чем США, но в текущих обстоятельствах это кажется маловероятным. Действительно, как и в случае информационно-коммуникационных технологий, Европа может не справиться с использованием в полной мере потенциала новых технологий, уже видимых на горизонте, и еще сильнее отстать от Соединенных Штатов. ■

Николас Крафтс — профессор экономики и истории экономики Уорикского университета.

Литература:

Conference Board. 2016. *The Conference Board Total Economy Database*, May.

Frey, Carl Benedikt, and Michael A. Osborne. 2013. "The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation?" *Unpublished*, Oxford Martin School, Oxford, United Kingdom.

Havik, Karel, Kieran McMorrow, Fabrice Orlando, Christophe Planas, Rafal Raciborski, Werner Röger, Alessandro Rossi, Anna Thum-Thysen, and Valerie Vandermeulen. 2014. "The Production Function Methodology for Calculating Potential Growth Rates and Output Gaps." *European Economy Economic Papers* 535, European Commission, Brussels.

US Congressional Budget Office. 2016. "An Update to the Budget and Economic Outlook, 2016 to 2026." Washington, DC, August. www.cbo.gov/publication/51908.

Слушая,
вы можете
многое узнать
о нашем мире

Слушайте ПОДКАСТЫ МВФ,
в которых участвуют ведущие
ученые в области экономики
и развития.

Они находятся на сайте
IMF.org/podcasts или в вашем
любимом приложении для подкастов.